

УДК 14:82

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-22-35

ФИЛОСОФЕМА В СТРУКТУРЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ФИЛОСОФЕМ

Песоцкий В.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья является продолжением исследования места философем в структуре философского знания*. В данной статье анализируется конкретный тип философем, представляющий собой определённый вид интеграции философского и литературно-художественного знания. Анализу подвергнуты фрагменты текстов, суждения, умозаключения, концепции, включённые в произведения художественной литературы. Исходя из предположения о различии философем по разным основаниям, осуществляется их структурирование, с выделением и определением данных оснований.

Ключевые слова: философема, мифологема, классификация, система, время, художественный образ.

PHILOSOPHEME IN THE STRUCTURE OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE: AN EXPERIENCE IN CLASSIFICATION OF PHILOSOPHEMES

V. Pesotskij

*Moscow State Regional University
10a Radio Street, 105005, Moscow, Russian Federation*

Abstract. This paper is a continuation of the author's reasoning on the place of philosophemes in the structure of philosophical knowledge. The definite type of a philosopheme integrating philosophical and literature knowledge is analysed. The author examines literary text fragments, statements and concepts. Proceeding from the assumption that philosophemes are different according to different foundations they are correspondingly structured, with the foundations being identified.

Key words: philosopheme, mythologeme, classification, system, time, imagery.

В контексте нашего исследования предпринятая структуризация философем осуществляется с определённой степенью условности, так как, во-первых, следует учитывать, что современная научная философия рассматривает, например, бытие и познание в их единстве, изучает общие законы их развития, и, во-вторых, приводимые нами философемы также не содержат в себе в чистом виде

© Песоцкий В.А., 2016.

* (Предыдущая статья: Песоцкий В.А. Философия и художественная литература // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 66-77).

элементы, относящиеся только к онтологии или гносеологии. Чаще всего, в них нет традиционной онтологии и независимых от неё гносеологии и логики. Выделение указанных составляющих осуществляется с учётом акцентирования в пользу одного из них и, прежде всего, в интересах более глубокого исследования данного феномена.

Прежде всего, философемы могут различаться *по глубине осмысления содержания и сущности объекта*. По данному основанию можно выделить *философемы обыденного и теоретического уровня*.

К философемам *обыденного уровня* относятся фрагменты (попытки) неосознанного философского осмысления тех или иных явлений природы и социальной действительности, относящихся как к материальной, так и к духовной сферам жизни общества. Они находят выражение в художественных произведениях, как правило, в форме суждения, и не имеют в данном произведении дальнейшего развития.

Например, известные библейские философемы: «во многом знании – многие печали»; «время разбрасывать камни и время собирать камни» (в данном случае Библию мы рассматриваем как литературное художественно-историческое произведение). Часто встречается в мифологии и художественной литературе философема необратимости времени – в значительной мере осовремененная философема, также имеющая богатую историю: «посеешь поступок – пожнёшь характер»; «стрела Аримана»¹ –

¹ Ариман и Ормузд – имена богов в религиозно-философском учении перса Мани – манихействе, олицетворяющих борьбу светлого и тёмного начал, где добро побеждает зло.

философема, которая получила продолжение и развитие в творчестве И.А. Ефремова. Кроме того, выделяются философемы, посвящённые проблемам человека, его бессмертия, которые тесно переплетаются с проблемами Добра и Зла: «Средство Макропулоса» К. Чапека; легенда об Агасфере и др.

К философемам *обыденного уровня* можно также отнести некоторые русские пословицы и поговорки, которые получили развитие в ходе эволюции их смыслов в художественной литературе [18, с. 11–17]. *Данные философемы в большей степени присущи бытовой литературе*: «семь бед – один ответ» (причинно-следственная связь); «не в свои сани не садись», «назвался груздем – полезай в кузов» (соответствие качеств человека занимаемому им в обществе месту), «не родись красивым, а родись счастливым» (философема судьбы), «не верь глазам своим» (принцип сомнения, разрабатываемый впоследствии Р. Декартом); философема о живой и мёртвой воде и др.

Следует отметить, что «бытовая» литература не всегда удостоивается внимания исследователей философской проблематики литературных произведений. На наш взгляд, это не вполне правомерно. Указанная литература, являясь в определённой степени отражением реальности и будучи включённой в круг социальных проблем, в том числе и «вечных», по-своему, с некоторыми допущениями, часто заимствуя у своих жанровых антиподов, также отражает и развивает названные проблемы.

Иными словами, «бытовой» реализм, как и другая литература, также касается «вечных» проблем. И он не меньше, чем другая литература, связан

с той же *философской* оценкой действительности (однако область действительности у них может быть разной, а поэтому и аспект рассмотрения её другой). В художественной литературе критерий философской экспликации, связанный с необходимостью перевода интуитивных смыслов на язык философии, проявляется опосредствованно – с применением художественной условности. Этот критерий исторически изменяется: то, что вчера было «сверхъестественным, непонятным», получает сегодня рациональное объяснение языком философии.

По заявленному основанию можно выделить также *философемы теоретического уровня*.

К названным философемам относятся, прежде всего, те, которые несут значительный объём информации, занимают значимое место в литературном произведении, а иногда являются его основой (философский роман, памфлет и т.д.), а в отдельных случаях представляют собой целостную философскую систему, характеризующую всё творчество писателя. В качестве примеров можно привести философемы, сформированные в философских письмах А. Чаадаева. Это также философемы о проблемах смысла жизни в произведениях А.П. Чехова: «Скучная история» – диалоги с Экклезиастом; «Дуэль» – полемика с позитивистами. Кроме того, это философема экологической обусловленности человека – «Срубить дерево» Р. Янга; философемы, характеризующие литературное наследие эпохи Просвещения, философские системы Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.А. Ефремова, А.С. Экзюпери, О. Уайлда («Портрет Дориана Грея») и др. Безусловно, фи-

лософемы данного уровня представляют собой интересные и значимые исследования выдающихся мыслителей и оказывают серьёзное влияние на развитие философии.

Философемы могут быть структурированы *по объёму содержащейся в них информации и уровню её теоретизации*.

По данному основанию можно выделить *философемы-суждения*. Названные философемы, как правило, представляют собой небольшой целостный фрагмент литературного произведения, направленный на философское осмысление определённого явления реальности или одного из её существенных признаков и имеющий логически завершённый характер.

Предложенное определение объединяет большую группу философем, представленных в художественной литературе, где они существуют в различных формах: диалогах, авторских отступлениях, монологах главных героев и др. Примерами таких философем могут быть: диалог Руматы Эсторского и Буддаха Ируканского в повести братьев Стругацких «Трудно быть Богом». Основная идея диалога – философское осмысление динамики реализации предлагаемых моделей общественного развития через призму возможности включения в данный процесс божественной воли. К названной группе можно отнести также уже упоминавшиеся диалоги из произведений А.П. Чехова «Скучная история» и «Дуэль», авторские отступления в повестях М. Анчарова «Теория невероятности», В. Аксёнова «Звёздный билет», развивающие философему этики науки – об ответственности учёного за результаты своей деятельности. Этой же проблеме посвящена философема,

прозвучавшая в монологе главного героя повести Д. Гранина «Зубр» (как известно, его прообразом является выдающийся русский учёный Н.В. Тимофеев-Ресовский).

Следующую группу философов, выделенную по заявленному основанию, можно определить как *философемы-концепции*.

Данные философомы предлагают определённый способ понимания (трактовки) класса предметов, явлений или процессов, основанный на философской парадигме. Они формируют ведущий замысел (конструктивный принцип), которому, применительно к данному классу явлений, в дальнейшем следует автор. Рассматриваемые философомы, как правило, занимают значительное место в художественном произведении, существенно влияют на его сюжетную линию (линии), иногда становятся побудительным фактором определения замысла произведения, его главной идеей. Могут объединять несколько фрагментов повествования и даже несколько произведений. Указанные философомы – не игра случая; как правило, они имеют выраженный личностный характер, так как, по сути, отражают определённый фрагмент мировоззрения автора художественного произведения.

Такие философомы характерны, например, для творчества А. де Сент-Экзюпери. В них отражаются проблемы гуманизма: ответственности человека перед собой, другими людьми, природой. Данные философомы объединены общей идеей, хотя и представлены в разных произведениях [16, с. 295–421, с. 440–506; 17, с. 101–180]: 1) *«Быть человеком – это и значит чувствовать, что ты за всё в отве-*

те» («Планета людей»); 2) «Величие всякого ремесла, быть может, прежде всего, в том и состоит, что оно объединяет людей: ибо ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком» («Военный лётчик»); 3) «Разум обретает ценность лишь тогда, когда он служит любви» («Военный лётчик»); 4) «Есть такое твёрдое правило, – сказал мне после Маленький принц. – Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету» («Маленький принц»); 5) «Узнать можно только те вещи, которые приручишь <...> ты навсегда в ответе за всех, кого приручил» («Маленький принц»).

К данной группе правомерно отнести и философомы, представленные в литературных произведениях Рэя Брэдбери: «Марсианские хроники», «Апрельское колдовство», «Холодный ветер, тёплый ветер»; Артура Кларка: «Стрела времени» и др.

Вершиной подобного литературного творчества, с некоторой степенью условности, может выступать *философский роман*.

Третья группа философов, выделенная по избранному основанию, может быть обозначена как философские системы.

В произведениях великих писателей Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, например, разработаны и выражены в материале и языке литературного творчества философомы, которые представляют собой философскую систему, сопоставимую по своей значимости с концепциями выдающихся творцов философии. Но, несмотря на всю значимость такого рода философов, рациональное осмысление проблем культуры в философии

не ограничивается только этими формами. На их основе, как мы уже отмечали, философия затем вырабатывает более строгий понятийный аппарат, где категории уже определяются в своих наиболее общих и существенных признаках.

Помимо рассмотренного основания, философы могут различаться *по месту в структуре философского знания*. По данному признаку можно выделить несколько групп философов.

Вначале рассмотрим **онтологические философы**.

Одной из «вечных» философских проблем, получивших осмысление в философах, является *проблема времени*. Универсальность и всеобщность значения времени, обусловленные его присутствием во всех аспектах бытия, делают многочисленные попытки осознания данного феномена частью другого, более важного и значимого предмета человеческой познавательной и аналитической деятельности – *поиска первооснов собственного бытия и своего места в окружающей Вселенной*.

Рассматривая понятие, сущность времени и его основные свойства с точки зрения философии и художественной литературы, прежде всего следует отграничить время, относящееся к области объективного и к природе самого материального мира, и время как сферу субъективного, определяющееся неким духовным началом.

Наблюдая за динамикой происходящего, человек пришёл к понятию физического времени, или времени вообще. В данном случае мы говорим, прежде всего, об объективном времени, которое *представлено философами в мифах, «протолитературе», чаще всего –*

в форме отражения в художественных образах отдельных признаков данного явления, его характерных свойств, как правило, на обыденном уровне. Например, время ассоциируется с рекой – «река времени», которая течёт в одном направлении (асимметричность и однородность как признаки времени), со стрелой – «стрела времени». В древнегреческой мифологии *Лета* – река забвения, «кануть в Лету» – исчезнуть (пропасть) во времени: «расхожий» образ, встречающийся, в том числе, и в современной литературе. Как правило, данное выражение в современной художественной литературе употребляется в отношении некоторой информации, фактов, воспоминаний, легенд и т.п., реже – в переносном смысле – в отношении предметов и вещей, которые были утеряны. В этом понимании «кануть в Лету» – исчезнуть из бытия. В данной философе *время рассматривается как необходимый атрибут бытия*.

Помимо *физического времени*, включённого в среду обитания человека, по мнению некоторых исследователей [22, с. 188], можно говорить и о *собственно человеческом (общечеловеческом и личностном) времени*, которое структурирует его внутреннее бытие. По сути, речь идёт о постановке проблемы субъективного времени, разработка которой приводит к выделению различных его форм. Коснёмся только некоторых аспектов данной проблемы, касающихся нашего исследования.

Мифологическое время, если пользоваться языком современной аналитической психологии, принадлежит к области архетипов, прообразов, первичных форм, где в символическом

виде представлены возможности развёртывания событий [8, с. 39–42]. Для него характерна всеобщность, общезначимость, во многом определяющая специфику времени исторического. В пантеоне греческих богов время ассоциируется с Кроном – отцом Зевса. Имя Крона происходит от греческого слова «хронос» – время, и сам он – олицетворение всепоглощающего времени. Всё рождается и исчезает во времени, так и дети Крона рождаются и уничтожаются им. Данная философия присутствует и в римской мифологии, где соответствующее место занимает Сатурн – бог времени. Период, когда Крон был «владыкою неба», был золотым веком мифологической истории. Люди в этот период жили, как боги, «со спокойной и ясной душой, горя не зная, не зная трудов», по словам великого греческого поэта Гесиода (поэмы «Теогония», «Труды и дни») [6]. Именно время уравнивало в правах богов и людей, то есть оно господствовало над любым бытием, было его необходимым атрибутом. Впоследствии, начиная с пятой генерации античных богов, они постепенно теряют свои антропоморфные признаки, Крон превращается в то, чем по существу и является – в хронос (время); соответственно, изменяются и философии, которые становятся более абстрактными и теоретически насыщенными, а в ряде случаев приобретают признаки концептуальности, историчности. Данные изменения обусловлены и тем, что начинается следующий этап формирования духовной сферы жизни общества (этап среды), а значит, соответствующим образом трансформируются и её элементы.

Историческое время тесно связано с литературным (художественным) временем, которое также преемствует у мифологического.

Вместе с тем, время в литературе занимает особое место, которое обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, оно является объектом внимания и осмысления на протяжении всего существования данного феномена; во-вторых, оно выступает в качестве основной и неперменной предпосылки сюжетного развёртывания; и, в-третьих, оно представляет собой один из инструментов художественного познания, без которого невозможно освещение исторической эпохи, в которой действуют герои литературных произведений (в этом на протяжении ряда эпох наиболее ярко проявляется связь исторического и литературного времени).

Современная философия и психология, естественно, в своём развитии значительно трансформировали рассмотренные философии времени, но, вместе с тем, сохранили и элементы преемственности. Кроме объективного реального времени они различают перцептуальное и концептуальное время. Под перцептуальным временем понимают отражение реального времени в чувственном восприятии субъекта, тогда как концептуальное время – это наши знания, представления, которые оказываются более или менее адекватным отображением реального времени (то есть здесь мы также имеем дело с одной из форм субъективного времени). Известный исследователь проблемы времени С. Аскольдов рассматривал время как онтологическое («изменяемость бытия»), физическое («раздробленное» и «измеренное вре-

мя») и *психологическое* (в котором есть «своя индивидуальность и субъективность и в этом смысле относительность») [1, с. 398–401].

В противовес *объективному, физическому, субъективный аспект времени*, характерный для литературного повествования, при котором время кажется то текущим медленно, то бегущим быстро, то идущим равномерно, то двигающимся скачкообразно дискретно, не был ещё открыт в Средние века, но присутствовал в художественной литературе в виде философов, которые проявляли себя большей частью на обыденном уровне. Следует отметить, что именно эти философы времени, свойственные в большей мере художественной литературе, на наш взгляд, явились предтечей концепции времени А. Бергсона, считающегося первооткрывателем «внутреннего времени», феноменологической концепции времени Э. Гуссерля и экзистенциальной М. Хайдеггера [19, с. 412]. Если в новой литературе время очень часто изображается таким, каким оно воспринимается действующими лицами произведения или представляется автору или авторской «замене» – лирическому герою, «образу повествователя» и пр., – то, например, в литературе древнерусской автор стремится изобразить объективно существующее время, независимое от того или иного восприятия его. В этот период, по свидетельству авторитетных исследователей литературы, время казалось существующим только в его объективной данности. Даже происходящее в настоящем воспринималось безотносительно к субъекту времени. Время для древнерусского автора, по мнению Д.С. Лихачева, не было явлением сознания человека [11, гл. I].

Именно потому, что темпы повествования в древнерусской литературе зависели в значительной мере от насыщенности самого повествования, а не от намерения писателя создать то или иное настроение, не от его стремления управлять временем в целях создания разнообразных художественных эффектов, проблема времени в древнерусской литературе привлекала внимание автора относительно меньше, чем в литературе новой. Вместе с тем, следует отметить, что *философема времени, наследуясь от мифологии, была присуща и древнерусской литературе*. В первых отечественных письменных произведениях («Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Влесова книга»), в летописях, с появлением в древнерусской литературе соответствующего жанра [12, с. 461], время было подчинено сюжету и представлялось поэтому авторам значительно более объективным и эпичным, менее разнообразным и более связанным с историей, понимаемой, впрочем, значительно более узко, чем в Новое время, – как смена событий, но не как изменение уклада жизни. Время в представлении *средневековых философов* включало гораздо более узкий круг явлений, чем оно охватывает в нашем современном сознании.

Время в Средние века было сужено двояко: с одной стороны, выделением целого круга явлений в категорию «вечного» (этой категории мы ещё коснёмся в дальнейшем), а с другой – отсутствием представлений об изменчивости целого ряда явлений. С одной стороны, существовали «вечные» явления в высоком, религиозном смысле этого слова – явления, отмеченные трансцендентальностью – «соприкос-

новением с мирами иными»; с другой стороны, неизменяющимися во времени казались очень многие явления обыденной, «низкой» жизни.

Следовательно, во втором случае из общего течения времени было изъято то, что относилось к сверхсознательной области единственно ценного с религиозной точки зрения «вечного», и то, что не осознавалось во времени, что казалось от века установленным, раз и навсегда созданным Богом. В литературе Средневековья в различных вариантах представлена именно данная философия [2, с. 1; 4; 9, с. 151–174].

Другое последствие реализации в художественной литературе закона цельности изображения – односторонненность художественного времени (одно из свойств времени вообще). Повествование никогда не возвращается назад и не забегает вперёд.

Всякое литературное произведение развёртывается во времени. Читая произведение, мы движемся от его начала к его концу во временной последовательности описываемых событий и действующих героев. *Это одна из характерных черт литературного произведения вообще и его восприятия читателем, одна из философем, отражённая во многих литературных произведениях.*

Новый философский подход к проблеме времени воплотился в литературе конца XIX – начала XX вв. Рождение нового мироощущения повлекло за собой в литературе поиски новых форм и средств выразительности для проникновения в смыслы, сущность и природу человеческого бытия и, следовательно, времени, в условиях изменившегося, по-новому понимаемого и воспринимаемого мира.

Наряду с сюжетным, событийным художественным временем русской повествовательной прозы, которое всегда было одним из важных проблемных аспектов жанров романа и повести («Обрыв», «Отцы и дети», «Война и мир», произведения И. Бунина и А. Куприна), писатели стали вводить новую временную парадигму субъективного времени, осмысляемого в форме воспоминаний, переживаний, размышлений о жизни. Внимание к субъективному аспекту времени было обусловлено его особой продуктивностью: способностью раздвигать временные аспекты повествования, вбирать в себя различные формы времени, осмыслять философско-психологические проблемы, драматизм и трагизм существования, жизни.

Академик Д.С. Лихачев обоснованно подчёркивал естественную связь в художественной литературе субъективного аспекта времени с сущностью человеческой природы: «Художественное время, в отличие от времени объективно данного, использует многообразие субъективного восприятия времени. Ощущение времени у человека, как известно, крайне субъективно. Оно может «тянуться» и может «бежать». Мгновение может «остановиться», а длительный период «промелькнуть». *Художественное произведение делает это субъективное восприятие времени одной из форм изображения действительности*» [11, с. 235, с. 348–349]. Д.С. Лихачев обозначил некие общие аспекты субъективности протекания времени в художественном произведении, но следует отметить, что на разных этапах развития литературы эти процессы характеризуются своими особенностями.

Проблема художественного времени – одна из важнейших в литературе. Она становилась предметом пристального внимания на разных этапах развития отечественного литературоведения. По свидетельству Д.С. Лихачева, одной из первых работ, поставивших задачу изучения художественного времени в литературных произведениях, была статья А.Г. Цейтлина о темпах повествования в романах Ф.М. Достоевского [20]. С 60-х гг. XX в. активно выходят исследования, посвящённые проблеме художественного времени, как в форме отдельных статей [5; 7; 13; 14; 15], так и крупных монографий. В. Шкловский в книге «Художественная проза. Размышления и разборы» исследует особенности художественного времени в жанре романа [21].

Аспекты художественного времени, разработанные Д.С. Лихачевым, важны не только для изучения поэтики древнерусской литературы, они представляют огромный интерес и для современной философии, и для исследования поэтики литературы XIX–XX вв. Показывая сложность и важность изучения проблемы времени в литературном произведении, учёный называет художественное время «явлением самой художественной ткани литературного произведения, подчиняющим своим художественным задачам и грамматическое и философское его понимание писателем» [11, с. 235, с. 348–349]. Именно последнее и воплощается в философии, которые мы не всегда воспринимаем при беглом (обыденном) прочтении произведения, или видим в них только метафорический план.

К следующей группе философов относятся **гносеологические**, которые

также имеют свою историю и в изменённом виде сохраняют своё присутствие в современной художественной литературе.

Например, *философема анамнесиса* развивается ещё в общегреческой мифологии («протолитературе») и зарождается как мифологема. Мнемозина (Память), одна из древнейших богинь – титанид, является матерью Муз, а значит – одной из прародительниц культурного космоса (искусств). Как противоположность богини Леты (дочери Раздора), властвующей над забвением, Мнемозина (которая представлена в древнегреческих источниках также в виде реки) гармонизирует разрозненное, пользуясь тем, что память о целом хранится в каждой части. Те, кто пили из Мнемозины, должны были вспомнить всё и обрести всезнание. В диалогах Платона идея данной философии несёт как гносеологическую, так и онтологическую нагрузку. В ходе своего развития она претерпевает трансформацию, и гносеологическое содержание начинает в ней превалировать.

Данная философема находит своих преемников в литературе Средневековья, прежде всего, у Августина Аврелия, когда он, сопоставляя триаду «память – интеллект – воля» с триадой божественной Троицы – «Отец – Сын – Святой Дух», возводит к божественному источнику всё так или иначе связанное с памятью. В той или иной форме она проявляет себя в героическом эпосе, в поэзии вагантов и, особенно, в песнях-диспутах трубадуров, где философская проблематика представлена наиболее ярко. В литературе Нового времени философема анамнесиса, переживает существен-

ную трансформацию, связанную с развитием эмпирических наук, частично теряет свою актуальность и самостоятельность, и обращение к ней в классическом виде, как правило, связано с обращением литературы к мифу. Вместе с тем, нельзя говорить о том, что данная философема полностью ушла из художественной литературы. Своего рода аналогом философского анамнесиса можно считать ряд направлений литературы XX в. и, в частности, литературное направление польского позитивизма, наиболее ярким представителем которого был Б. Прус (Александр Гловацкий), поставивший в центр авторского творческого акта воспоминание («Фараон», «Форпост», «Перемены», «Кукла» и др.). Философема анамнесиса получила развитие и философское осмысление в философских трудах Лейбница, Юма, Шеллинга, Гегеля, Гадамера, Хайдеггера (*припоминание забытого бытия*) и других выдающихся философов. В русской религиозной философии Вячеслав Иванов делает понятие анамнесиса практически центральным в своей теории о «предвечной памяти Я», посредством которой Нетварная Премудрость учит человека превращать средства вселенской разлуки – пространство, время и инертную материю – в средства единения и гармонии [10, с. 431].

Наиболее обширную группу философем представляют социальные философемы.

В качестве одной из существенных особенностей данных философем можно выделить их концептуальность. Часто они оформляются в виде социальных утопий, которые, как правило, долго сохраняются во времени и вы-

зывают закономерный интерес у исследователей. Названные философемы могут быть представлены отдельным литературным произведением: диалог Платона «Государство» (следует отметить, что диалоги Платона рассматриваются исследователями и как философские работы, и как литературное творчество), в котором выделяются и обосновываются основные признаки идеального государства. Впоследствии (в Средние века) философема государства получает своё развитие в «Утопии» Т. Мора, «Городе солнца» Т. Кампанеллы. Достаточно широко она представлена в творчестве писателей-фантастов, которые описывают разные модели развития государства: утопии и антиутопии (катастрофы). Причём, данные модели могут присутствовать в качестве альтернатив в творчестве одного автора в различных вариантах взаимодействия, например, утопии у братьев Стругацких: «Возвращение», «Туманность Андромеды», «Стажёры». В противовес им можно привести катастрофы: «Хищные вещи века», «Обитаемый остров», «Побег». Варианты взаимодействия – «Трудно быть богом», «Парень из преисподней». Концептуальностью названных философем обусловлены их многокачественность и «многослойность». В утопиях и катастрофах мы без труда находим философемы, посвящённые широкой социальной проблематике: проблемам Добра и Зла; человека и его отношения с обществом, роли личности в истории и др.

Естественно, что концептуальность характерна не только для литературно-философских утопий (философем). Иногда она проявляется не в отдельном произведении, а в совокуп-

ном творчестве определённого автора. Применительно к отечественной литературе в круг таких авторов заслуженно включаются Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, литературное творчество которых имеет выраженный философский аспект и оказывает серьёзное влияние на развитие отечественной (и мировой) философии.

Формирование философов в творчестве писателей также не однозначно. Они могут делегироваться автором героям произведения, могут быть отражены в тексте от лица писателя или присутствовать в авторских отступлениях. Например, по мнению некоторых исследователей, творчество Ф.М. Достоевского не представляет нам целостную философскую систему. Оно распалось на ряд самостоятельных и противоречащих друг другу философов, представленных его героями. Среди них далеко не на первом месте фигурируют и философские воззрения самого автора. Для сознания читателя прямая полновесная интенциональность (направленность на некий объект) слов героя размыкает монологическую плоскость романа и вызывает на непосредственный ответ, как если бы герой был не объектом авторского слова, а полноценным и полноправным носителем собственного слова [3, гл. I]. Однако, на наш взгляд, данная постановка вопроса относится не только к творчеству Ф.М. Достоевского. Подобная субъектная неопределённость характерна для литературно-художественного творчества вообще. Более того, она не принципиальна с точки зрения характеристики воззрений самого писателя, ибо в какой бы форме они ни были выражены, они являются отражением его мировоз-

зрения. Что же касается философской составляющей творчества Ф.М. Достоевского, то её значение применительно к философии вообще неоспоримо и признаётся абсолютным большинством исследователей.

Таким образом, развивающаяся в современном гуманитарном знании тенденция сближения художественного и философского познания мира, обусловленная, в частности, стремлением к расширенной рациональности (в противовес развивающимся тенденциям иррациональности), предполагающая создание целостного творческого мировоззрения, в котором неполнота рационального знания сможет, в определённой степени, компенсироваться многообразием дополнительных средств, включённых в процесс познания, в число которых входит наряду с философией художественная литература, по-новому поставила проблему их взаимодействия.

В представленных нами статьях сделана попытка внести определённый вклад в её решение.

Во-первых, в контексте проведённого исследования, с учётом современного состояния рассматриваемых явлений духовной сферы жизни общества, выделены *основания их взаимодействия.*

Во-вторых, выявлена генетическая связь художественной литературы и философии, проявляющейся в мифологическом происхождении данных явлений; проанализирована специфика их взаимодействия с учётом указанной обусловленности. Выделены и проанализированы содержательно-сущностные признаки мифа, как основы первой формы мировоззрения – мифологической.

В-третьих, исследован и проанализирован один из продуктивных видов взаимодействия философского и нефилософского знания – «философема», выявлены её основные содержательно-сущностные признаки и дано определение.

В-четвёртых, рассмотрен конкретный тип философем, возникающих на основе интеграции философского и литературно-художественного знания, предложен вариант их классификации по различным основаниям.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аскольдов С.А. Время онтологическое, психологическое и физическое // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 398–401.
2. Балабай С.В. Средневековье: время против вечности // Проблема первоначала мира в науке и теологии. СПб., 1991. С. 1.
3. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994. 511 с.
4. Бондарь С.В. Философско-мировоззренческое содержание «Изборников» 1073–1076 гг. / АН УССР. Ин-т философии. Киев: Наукова думка, 1990. 151 с.
5. Гей Н.К. Время и пространство в структуре произведения // Контекст-1974. М., 1975. С. 213–228.
6. Гесиод. Полное собрание текстов / Пер. В.В. Вересаева, О.П. Цыбенко. Вступительная статья В.Н. Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
7. Гречнев В.Я. Категория времени в литературном произведении // Анализ литературного произведения. Л., 1976. С. 126–144.
8. Грошев Л. Философемы времени // Межрегиональная научная конференция «Бренное и вечное: М-43. Ценности и отчуждение в культурно-цивилизационных процессах». 14-16 октября 1999 года: Тезисы докладов и выступлений. Вып. 2.4.1. / Ред. кол.: В.П. Большаков, Г.П. Выжлецов, И.Ф. Игнатьева; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 1999. С. 39–42.
9. Гуревич А. Что есть время? // Вопросы литературы. 1968. № 11. С. 151–174.
10. Иванов В. Собрание сочинений. Брюссель: Жизнь с Богом, 1980. Т. 3. 896 с.
11. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. Гл. 1. 372 с.
12. Лихачев Д.С. Система жанров в древнерусской литературе: [Докл. на V Всесоюз. совещ. по древнерус. лит. Ленинград, 22-26 мая 1962 г. Крат. излож.] // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1962. Т. 21. Вып. 5. С. 461.
13. Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М.: Высшая школа, 1988. 144 с.
14. Мотылева Т. Время реальное и романтическое // Зарубежный роман сегодня. М.: Советский писатель, 1966. 472 с.
15. Ржевская Н.Ф. Изучение проблемы художественного времени в зарубежном литературоведении // Вестник Московского государственного университета. Серия Х. Филология. 1969. № 5. С. 42–54.
16. Сент-Экзюпери А. де. Собрание сочинений в 2-х т. М.: Согласие, 1994. Т. 1.
17. Сент-Экзюпери А. де. Планета людей // Сент-Экзюпери А. де. Сочинения. М.: Книжная палата, 2000. С. 101–180.
18. Федоров Ю.М. Предельные основания философии: от трансценденталий к универсалиям // Философия. Метафизика. Язык. Сб. науч. трудов / Филос. об-во им. С.Л. Франка. Саратов: Изд-во «Поволж. межрегион. учеб. центр», 1998. С. 11–17.
19. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. с немецкого В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 448 с.

20. Цейтлин А.Г. Время в романах Достоевского // Русский язык в средней школе. 1927. № 5.
21. Шкловский В. Время в романе // Художественная проза. Размышления и разборы. М., 1961.
22. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: ВО "Наука". Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.

REFERENCES:

1. Askol'dov S.A. Vremya ontologicheskoe, psikhologicheskoe i fizicheskoe [Time Ontological, Psychological and Physical] // Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov [At the Turning Point. A Philosophical Discussion of the 1920s]. M., 1990. Pp. 398-401.
2. Balabai S.V. Srednevekov'e: vremya protiv vechnosti [The Middle Ages: Time Vs Eternity] // Problema pervonachala mira v nauke i teologii [The problem Of the Genesis of the World in Science and Theology]. SPb., 1991. Pp. 1.
3. Bakhtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky]. Kiev: Next, 1994. Ch. 1. 511 p.
4. Bondar' S.V. Filosofsko-mirovozzrencheskoe sodержanie «Izbornikov» 1073-1076 gg. [Philosophical and Ideological Content of «Izborniks» 1073-1076] / AN USSR. In-t of philosophy. Kiev, Naukova dumka, 1990. 151 p.
5. Gei N.K. Vremya i prostranstvo v strukture proizvedeniya [Time and Space in the Structure of a Literary Work] // Kontekst-1974 [The Context-1974]. M., 1975. Pp. 213-228.
6. Gesiod. Polnoe sobranie tekstov / Per. V.V. Veresaeva, O.P. Tsybenko. Vstupitel'naya stat'ya V.N. Yarkho. Kommentarii O.P. Tsybenko i V.N. Yarkho [Hesiod. Complete Collection of Texts / Trans. V.V. Veresaeva, O.P. Tsybenko. Introductory article by V.N. Argo. Comments by Tsybenko O.P. and V.N. Argo]. M., Labirint, 2001. 256 p.
7. Grechnev V.YA. Kategoriya vremeni v literaturnom proizvedenii [The Category of Time in a Literary Work] // Analiz literaturnogo proizvedeniya [Analysis of a Literary Work]. L., 1976. Pp. 126-144.
8. Groshev L. Filosofemy vremeni [Philosophemes of Time] // Mezhhregional'naya nauchnaya konferentsiya «Brennoe i vечноe: M-43. Tsennosti i otchuzhdenie v kul'turno-tsivilizatsionnykh protsessakh». 14-16 October 1999: Tezisy dokladov i vystuplenii. No 2.4.1. / Editorial Board: V.P. Bolshakov, G.P. Vyzhletsov, I.F. Ignatieva; NovSU named after Yaroslav The Wise. Veliky Novgorod, 1999. Pp. 39-42.
9. Gurevich A. Chto est' vremya? [What is the Time?] // Voprosy literatury. 1968. No 11. Pp. 151-174.
10. Ivanov V. Sobranie sochinenii [A Collection of Essays]. Brussels: a Life with God, 1980. T. 3. 896 p.
11. Likhachev D.S. Poetika drevnerusskoi literatury [The Poetics of Old Russian Literature]. L.: Nauka, 1967. Ch. 1. 372 p.
12. Likhachev D.S. Sistema zhanrov v drevnerusskoi literature [The System of Genres in Old Russian Literature]: [Dokl. on V (in Russian) soveshch. at drevnerus. lit. Leningrad, 22-26 may 1962. Brief summary] // News AS USSR. The Department of Literature and Language. 1962. T. 21. No 5. Pp. 461.
13. Molchanov V.I. Vremya i soznanie. Kritika fenomenologicheskoi filosofii [Time and Consciousness. Criticism of Phenomenological Philosophy]. M., Vysshaya shkola, 1988. 144 p.
14. Motyleva T. Vremya real'noe i romanticheskoe [Real and Romantic Time] // Zarubezhnyi roman segodnya [Foreign Novel Today]. M., Sovetskii pisatel', 1966. 472 p.
15. Rzhavskaya N.F. Izuchenie problemy khudozhestvennogo vremeni v zarubezhnom literaturovedenii [The Study of the Problem of Artistic Time in Foreign Literature] // Bulletin of Moscow State Regional University. Series X. Philology 1969. No 5. Pp. 42-54.

16. Sent-Ekzyuperi A. de. Sbranie sochinenii v 2-kh t. [Saint-Exupéry A. Works in 2 v.]. M.: Soglasie, 1994. T. 1.
17. Sent-Ekzyuperi A. de. Planeta lyudei [Planet of People] // Sent-Ekzyuperi A. de. Sochineniya [Saint-Exupéry A. de. Works]. M., Knizhnaya palata, 2000. Pp. 101–180.
18. Fedorov YU.M. Predel'nye osnovaniya filosofii: ot transtsendentalii k universaliiyam [The Ultimate Foundation of Philosophy: from the Transcendental to the Universals] // Philosophy. Metaphysics. Language. Collection of Scientific Papers / Philosophical Society named after S.L. Frank. Saratov: Publishing «Povolzh. mezhregion. ucheb. centr», 1998. Pp. 11–17.
19. Khaidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya [Time and Being: Articles and Speeches]. Transl. from German by V.V. Bibikhin. M., Republic, 1993. 448 p.
20. Tseitlin A.G. Vremya v romanakh Dostoevskogo [Time in Dostoevsky's Novels] // Russkii yazyk v srednei shkole. 1927. No 5.
21. Shklovskii V. Vremya v romane [Time in the Novel] // Khudozhestvennaya proza. Razmyshleniya i razbory [Fiction. Reflections and Critiques]. M., 1961.
22. Shpengler O. Zakat Evropy [The Decline of Europe]. Novosibirsk: VO «Nauka». Siberian publishing firm, 1993. 592 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Песоцкий Владислав Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-filosof@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav Anatol'evich Pesotskij – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Philosophy Department, Moscow State Regional University;
e-mail: kaf-filosof@mgou.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Песоцкий В.А. Философема в структуре философского знания (статья 2-я, опыт классификации философем) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 22-35
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-22-35

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Pesotskij Philosopheme in the Structure of Philosophical Knowledge: an experience in classification of philosophemes // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 2. P. 22-35
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-22-35